

Аксель Хоннет

**КРИТИКА ВЛАСТИ:
СТУПЕНИ РЕФЛЕКСИИ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА**

История критической теории от хоркхаймеровских начинаний до поздней философии Адорно отмечена одним очевидным изъяном. Как исходная программа Института, предложенная Хоркхаймером, так и оставшаяся фрагментарной теория общества Адорно оказались неспособны концептуализировать (*erfassen*) *социальный* способ организации обществ. Ранний Хоркхаймер с неизбежностью оставил вне поля зрения весь спектр культурной повседневной практики, поскольку редукционистская философия истории не позволяла ему категориально раскрыть какое-либо иное измерение действия, нежели измерение общественного труда; поскольку он был вынужден систематически игнорировать конструктивную роль социального действия, он мог лишь без всякого опосредования ввести наряду с унаследованной (марксистской. - *Пер.*) мыслительной моделью экономического воспроизводства психоаналитическую модель индивидуальной социализации влечения и был вынужден интегрировать их в функционалистской в конечном счете модели общества. Рамки междисциплинарной теоретической программы, которые еще в 30-е гг. на основе редукционистской модели общества были заданы Хоркхаймером Институту социальных исследований, были, разумеется, вообще оставлены в связи с философско-историческим поворотом критической теории, который окончательно совершился в “Диалектике просвещения”, написанной совместно Хоркхаймером и Адорно под впечатлением от фашизма. Отныне общественный труд, на котором критическая теория впредь останется зафиксированной (*einseitig konzentriert bleibt*), трактуется, нормативно переоцениваясь, как акт изначального подчинения природы и интерпретируется некоторым образом как исходная почва того процесса постепенного разрушения цивилизации, который находит свое завершение в тоталитарной тирании фашизма. “Диалектика просвещения” обрисовывает индивидуально-психологические и общественные последствия, которые влечет за собой всемирно-исторический ход инструментального распоряжения природными процессами. Формы социального господства при этом прямо и непосредственно оказываются внутриобщественными производными деятельности распоряжения, подчиняющей природу; субъекты, подчиненные общественному господству, предстают, в метафорической аналогии с инструментализированной природой, как пассивные жертвы.

Эта философско-историческая основная модель также не дает возможности адекватно концептуализировать со-

циальный характер общественной организации, поскольку она представляет процессы, происходящие в обществе, как подобию процедур распоряжения, направленных на природу. Помимо прочего, это обстоятельство приводит к тому, что проект междисциплинарно ориентированного анализа общества вообще утрачивает тот особый статус, который он занимал в первоначальной программе Хоркхаймера. А именно теперь они (Хоркхаймер и Адорно. - *Пер.*) задают философско-историческую критику господства над природой настолько обобщенно, что любую форму научного познания, включая и социально-научное исследование, они должны рассматривать как когнитивный элемент, включенный в динамику цивилизационного овещнения; поэтому они вынуждены снова вывести критическую теорию общества из окружения эмпирических социальных наук и препоручить исключительной ответственности философии. Этот пораженческий поворот отражается в методологической структуре, которую принимает критическая теория после войны в работах Адорно. Эмпирически ориентированная социальная наука служит здесь тому, чтобы задним числом подтверждать образ тоталитарно интегрированного общества, молчаливо предполагаемый в собственных областях критики господства, а именно в проектах философской критики понятий и философской эстетики. Адорно выполняет эту задачу в ряде социологических сочинений, где с лейтмотивом "конца опосредования" исследуются административные механизмы, которые, эксплуатируя утрату субъектами идентичности, принудительно интегрируют общественную связность жизни при позднем капитализме. Как представляется, критическая теория в итоге отказывается от теоретической возможности установить, оказывают ли социальные группы вообще специфическое воздействие на интеграцию общества и если оказывают, то в какой мере.

Концепция критического социального исследования, лишь внешним образом соединяющая политическую экономию и психоанализ, теряет из виду культурную повседневную практику социальных групп точно так же, как психоаналитически фундированное понятие тотально управляемого общества - социальное согласие как основу административного господства; в обоих случаях игнорируются когнитивные и моральные синтезирующие акты, на которые способны социальные группы в силу кооперативных усилий интерпретации, совершаемых их членами. Направляемая философией истории мысленная модель общественного господства над природой, которая в обоих случаях лишь дополняется, а не прорывается изнутри психоаналитической теорией социализации, заслоняет вид на внутреннюю социальную конституцию общества (*soziale Binnenverhältnis der Gesellschaft*). Происходящие внутри групп процессы производства горизонтов ориентации, сцепляющихся между собой в масштабах всего общества (*gesamtgesellschaftlich ineinandergreifenden*), становятся столь же непознаваемыми, как и каждодневное конфликтное развитие событий в отношениях между морально противоречащими друг другу групповыми убеждениями. Но тем самым возникает лишь упрощенное представление о том, что позднекапиталистические общества воспроизводятся вообще независимо от коммуникативно обретенных норм действия их членов, поскольку они путем управления процессами социализации закрепляют экономически и политически желательные

образцы поведения прямо в природе индивидуальных потребностей.

В хоркхаймеровском программном наброске критического социального исследования это проявляется в скрытом функционализме, жертвой которого в результате ограниченного институционального понимания культуры в конце концов становится его собственная модель общества; в поздней адорновской теории общества это проявляется в том понятии тоталитарного господства, оставленном им без каких-либо изменений и после того, как фашизм сошел со сцены, которое просто полностью игнорирует измерение социального действия и свидетельствует об убежденности в административной манипуляции психологически ослабленными (*innerpsychisch geschwächten*) членами общества. Исходная программная идея Хоркхаймера и поздняя теория общества Адорно обозначают начальную и конечную ступени классической эпохи критической теории, в которую продуктивный контакт с социальными науками так никогда и не был установлен, поскольку преобладание односторонней философии истории не оставляло места для анализа социального действия. Место социологического вопроса о видах социальной интеграции и социального конфликта в определенном обществе занимал вопрос влияния индивидуального субъекта влечения и экономического воспроизводства друг на друга, иными словами: вопрос о соединимости психоанализа и анализа экономической системы.

Эта неспособность к социологически продуктивной постановке проблемы являлась очевидным признаком той традиции критической теории, которая была заявлена в качестве проекта Хоркхаймером в речи по поводу вступления в должность директора Института социальных исследований и которая нашла свое завершение в пессимистической поздней философии Адорно. Хотя от этой традиции до сегодняшнего дня и исходят важные импульсы для решения эстетических и социальных проблем¹, тем не менее в окружающем ее поле критических социальных наук она не смогла найти соответствующего отзвука; хотя сочинения Хоркхаймера и, в еще большей степени, творческое наследие Адорно и стали предметом многочисленных интерпретаций², тем не менее в неизменном виде они использовались в качестве теоретического инструмента анализа позднекапиталистических обществ лишь догматически решительными (*blindentschlossenen*) эпигонами. Однако, с другой стороны, в западногерманских дискуссиях Франкфуртская школа настолько прочно монополизировала идею критической теории общества, что продуктивное усвоение каких-либо альтернативных традиций в течение длительного времени было затруднено: сказанное относится к недостаточно точной (*grobe*) критике позитивизма, которая помимо объективистской теории науки охватывала также американский прагматизм, социологическую системную теорию, а также социологию Дюркгейма³ и благодаря этому серьезно помешала непредвзятой полемике с американской и французской социологической традицией; не в меньшей степени сказанное относится и к одностороннему понятию культуры, которое было ориентировано первоначально на педагогически-социализаторские институты, а потом - на одни лишь эстетические произведения и благодаря этому серьезно блокировало усвоение тех традиций социологии культуры, категории которых позволяли раскрыть феномены культуры, неявно сохраняемые в специфических для тех или иных групп стилях жизни⁴.

Барьеры, на которые любая попытка дальнейшего не dogматического развития критической теории общества неизбежно должна была наталкиваться, поскольку представленная Хоркхаймером и Адорно традиция препятствовала ассимиляции социологически релевантных постановок вопроса, могли быть разрушены только тогда, когда вне этой традиции были бы найдены такие фундаментальные теоретические понятия, которые могли занять место философско-исторического понятия покорения природы. Непродуктивный дуализм психологии и экономики, с которым Франкфуртская школа оставалась связанной на всех этапах своего развития, мог быть эффективно преодолен не изнутри, т. е. в рамках принципиального согласия с ее ведущей мысленной моделью, а лишь посредством такой теоретической переориентации, которая позволяла бы адекватно определить *своеобразие социального*.

В 60-е и 70-е гг. попытки такого изменения ориентации в рамках критической теории общества совершаются исходя, прежде всего, из двух различных точек зрения, общим для которых, по-видимому, было лишь то, что они отказываются от философско-исторической модели покорения природы и, тем не менее, пытаются ответить на центральные как для марксизма, так и для критической теории вопросы о способе господства и форме интеграции позднекапиталистических обществ: теории общества Мишеля Фуко, с одной стороны, и Юргена Хабермаса, с другой, которые воспринимаются сегодня конкурирующими школами как продолжения критической теории Адорно⁵.

Обе теории характеризует намерение поставить на место того представления, в соответствии с которым общество изображается как так или иначе трактуемый результат рассудочных актов инструментально действующего родового субъекта, такую теоретическую модель, для которой исходными являются характеристики социального действия (*sozialen Handelns*). Правда, этот общий для них отказ от философско-исторически истолкованного понятия труда, открывающий путь к области социальных феноменов, которая для традиции критической теории доселе оставалась чуждой, является лишь единственным общим знаменателем, к которому можно привести социальную теорию Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса; дело в том, что они раскрывают поле социального действия с совершенно противоположных сторон.

Социальная теория Мишеля Фуко⁶ первоначально возникла из контекстов структуралистской критики школ гуманитарных наук, основанных на философии субъекта; намерение расшифровать социальные формы знания как независимое от субъекта текстовое образование определяет первую фазу его теоретической работы. Однако лишь в той мере, в какой ему удается преодолеть парадоксы подобной программы, ему открывается область социальных феноменов как сплетение стратегических действий; стратегическая модель действия представляет собой, как я хотел бы показать, теоретическое ядро теории власти, которой он занялся на втором этапе своего творчества. Однако попытка построить теорию общества лишь на основе понятия “социальной борьбы” приводит к трудностям, которые вынуждают Фуко в его исторических разысканиях, направляемых теорией власти, прибегнуть к мысленной модели системной теории (*systemtheoretisches Denkmodell*); с этой точки зрения фукианская теория общества предстает в итоге как “системно-теорети-

ческое разложение (Auflosung)” “Диалектики просвещения”. Напротив, Хабермасова теория общества, как я хотел бы показать в итоге, в целом может быть понята как “коммуникативно-теоретическая трансформация” “Диалектики просвещения”.

Примечания

- 1 Обзор дискуссий, вызванных эстетическими трудами Адорно, предлагается в сборнике: Lindner, B., Ludke, W. M. (Hg.) Materialien zur ästhetischen Theorie Theodor W. Adornos. Frankfurt, 1980.
- 2 Поучительный обзор философских дискуссий по поводу работ Адорно дает Теодор Баумайстер (“Theodor W. Adorno - nach zehn Jahren”, in: Philosophische Rundschau, 28, Heft 1-2. S. 1ff.)
- 3 Именно адорновская критика Дюркгейма (Th. W. Adorno. Einleitung, in: Durkheim, E. Soziologie und Philosophie. Frankfurt, 1970. S. 7ff.) имела серьезные последствия в этом негативном плане.
- 4 Это констатировал уже Вольф Лепенис (Lepenis, W. Arbeitskultur. Wissenschaftssoziologische Anmerkungen zur Konjunktur eines Begriffs, in: Geschichte und Gesellschaft V (1979) I. S. 125ff.).
- 5 Хабермас своим проектом коммуникативно-теоретически обоснованной теории общества прямо претендует на то, чтобы продолжить исходные мотивы Франкфуртской школы на основе пересмотра ее фундаментальных допущений (См.: Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1981, прежде всего, гл. 4 и 8); тем более интересным является то обстоятельство, что социальная теория Фуко, которая возникла совершенно безотносительно к традиции критической теории, все чаще рассматривается как дальнейшее развитие философии истории Адорно (См.: Horisch, J. Herrscherwort, Geld und geltende Sätze. Adornos Aktualisierung der Frühromantik und ihre Affinität zur poststrukturalistischen Kritik des Subjekts, in: Lindner, B., Lüdke, W. M. Materialien zur ästhetischen Theorie. S. 397ff.; Bauch, J. Reflexionen zur Destruktion der teleologischen Universalgeschichte durch den Strukturalismus und die kritische Theorie, in: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie LXV (1979) I. S. 81ff.).
- 6 Главы, посвященные Фуко, были написаны, как это видно из ряда формулировок, до его смерти; 2-й и 3-й тома “Истории сексуальности” (“Пользование удовольствиями” и “Забота о себе”), которые появились за несколько дней до его смерти, я также не мог принять во внимание.

Перевод В. Н. Фурса, выполнен по изданию:

Honneth, A. Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt: Suhrkamp, 1985. S. 115-120.